

RU

Художественные особенности «итоговой» книги стихов И. Лиснянской «Эхо» (2005)

Гудкова С. П., Хозяйкина А. В.

Аннотация. Настоящая статья посвящена анализу художественных особенностей «итоговой» книги стихов И. Лиснянской «Эхо» (2005). Цель исследования – выявить проблемно-тематическое и жанровое своеобразие книги стихов «Эхо». Научная новизна нашего исследования состоит в том, что впервые данное издание современной поэтессы осмысливается в заявленном аспекте. В результате было установлено: во-первых, И. Лиснянская активно разрабатывает христианские темы и мотивы, ее творчество относится к «православно-созерцательному» (Н. Н. Гордиенко) направлению в современной духовной поэзии. Во-вторых, поэтический сборник И. Лиснянской «Эхо» представляет собой сложное метажанровое образование – «итоговую» книгу стихов, построенную по жанровому канону, разработанному русскими поэтами второй половины XIX в.; ее сюжетообразующей основой являются религиозные и духовно-нравственные мотивы, важную идейно-смысловую функцию приобретают образы Голгофы, Иуды, Содомы, Гоморры, Суламифи и др. В-третьих, «итоговая» книга стихов «Эхо» демонстрирует жизненный путь лирической героини, тесно слитой с образом автора; преодолевая чувство собственной вины, ответственности за несовершенство современного мира, И. Лиснянская создает поэзию «покаянной совести», в основе которой лежит путь к Богу.

EN

Artistic features of I. Lisnyanskaya's "final" book of poems "Echo" (2005)

Gudkova S. P., Khozyaikina A. V.

Abstract. The paper analyzes the artistic features of I. Lisnyanskaya's "final" book of poems "Echo" (2005). The aim of the study is to identify the problematic, thematic and genre uniqueness of the book of poems "Echo". The scientific novelty of the study lies in the fact that this edition by the modern poetess is comprehended in the stated aspect for the first time. As a result, we have found the following: firstly, I. Lisnyanskaya actively develops Christian themes and motifs, her creative work belongs to the "Orthodox-contemplative" (N. N. Gordienko) direction in modern spiritual poetry. Secondly, I. Lisnyanskaya's collection of poems "Echo" is a complex meta-genre form – the "final" book of poems structured according to the genre canon, which was developed by Russian poets of the second half of the 19th century; religious and spiritual-moral motifs are the plot-forming basis of the book, the images of Golgotha, Judas, Sodom, Gomorrah, Sulamith and others perform an important ideologic and semantic function. Thirdly, the "final" book of poems "Echo" shows the life journey of the persona closely merged with the image of the author; overcoming her own guilt and responsibility for the imperfections of the modern world, I. Lisnyanskaya creates the poetry of "penitential conscience", which is based on the way to God.

Введение

Актуальность заявленной темы объясняется, с одной стороны, необходимостью осмысления современной поэтической жанровой системы, отличающейся гибкостью, неоднородностью, способностью к трансформации и жанровому синтезу, что порождает развитие крупных поэтических форм, таких, например, как книга стихов со всеми ее жанрово-видовыми разновидностями: тематическая, жанровая, «итоговая». С другой, значимой проблемой становится активно возрастающее внимание исследователей к возрождению духовных традиций русской поэзии в современной лирике, рассмотрение последней сквозь призму преломления в ней сложной и многомерной православной картины мира. Выявление художественных особенностей определенной поэтической жанровой формы в творчестве конкретного автора, работающего в русле православной традиции, позволит не только определить особенности его поэтического мировидения, творческого метода, но и проследить характер развития современной отечественной поэзии в целом.

Задачами настоящего исследования становятся следующие: во-первых, проанализировать жанрово-видовые особенности «итоговой» книги стихов как крупной поэтической формы; во-вторых, выявить художественные особенности «итоговой» книги стихов И. Лиснянской «Эхо».

Материалом исследования явились книга стихов И. Лиснянской «Эхо» (Лиснянская И. Эхо. М.: Время, 2005), интервью поэтессы (Из первых уст. Интервью О. Постниковой с И. Лиснянской. 1997. URL: <https://voplit.ru/article/iz-pervyh-ust-besedu-vela-o-postnikova>).

Теоретическую базу составили, во-первых, работы, посвященные изучению книги стихов как крупной жанровой формы (Верина, 2016; Гудкова, 2019; Мирошникова, 2004; Дарвин, 2003; Барковская, Верина, Гутрина и др., 2016); во-вторых, исследования, рассматривающие духовно-нравственные аспекты русской литературы (Гордиенко, 2008; Осьмухина, Гудкова, Белоглазова, 2023); в-третьих, работы, касающиеся изучения творчества И. Лиснянской (Иванова, 2005; Кубатьян, 2015; Стрельникова, 2007).

Ключевыми методами стали: метод целостного анализа литературного произведения, давший возможность осмыслить художественное своеобразие «итоговой» книги стихов И. Лиснянской «Эхо» в единстве проблемно-тематического и жанрового своеобразия; сравнительно-исторический, благодаря которому были выявлены важнейшие составляющие «итоговой» книги стихов в творчестве современного автора, а также типологический – позволивший рассмотреть общие черты в развитии данной жанровой формы.

Практическая значимость статьи состоит в том, что ее материалы, результаты и общие выводы могут быть использованы в вузовских курсах теории литературы, истории русской литературы, спецкурсах и спецсеминарах, посвященных современной отечественной поэзии.

Обсуждение и результаты

Современный поэтический процесс вобрал в себя множество проявлений социокультурных, политических, нравственных проблем эпохи. Поэты не только реагируют на изменения, происходящие в современной действительности, но и прислушиваются к внутренним трансформациям, которые испытывает человек под воздействием внешних событий (Осьмухина, Гудкова, Белоглазова, 2023; Гордиенко, 2008). Поэтический опыт последних десятилетий подтверждает безусловный интерес к онтологическим и аксиологическим проблемам. В общем ряду современной отечественной поэзии, отличающейся жанровым и проблемно-тематическим многообразием, заметное место, как справедливо утверждают исследователи, заняла духовная поэзия, активно развивающаяся в русле православной традиции русской христианской поэзии (Г. Р. Державин, М. В. Ломоносов, А. С. Пушкин, Ф. И. Тютчев, С. А. Есенин, Б. Л. Пастернак и др.) (Гордиенко, 2008). Особый интерес к данному типу поэзии наблюдается в 1970-е гг. – время духовного кризиса общества, ощущения несвободы, неудовлетворенности внешней обстановкой. Вневременные проблемы бытия, духовный поиск, вопросы эсхатологического характера оказываются в центре поэтического внимания таких поэтов, как С. Аверинцев, Вениамин Блаженный, О. Седакова, О. Николаева, Е. Шварц, Ю. Кублановский, Н. Карташева, И. Лиснянская, С. Кекова, Н. Матвеева, иеромонах Роман (Матюшкин), А. Васильев и мн. др. Многоликость духовной поэзии подталкивает ученых к осмыслению как самого феномена «религиозная лирика», так и отдельных ее представителей.

Сегодня в отечественной науке о литературе сложился весьма четкий взгляд на проблему классификации творчества православных авторов. Так, например, совершенно справедливо Н. Н. Гордиенко выделяет два типа православных писателей: «православно-созерцательный» и «православно-воцерковленный». К первому типу относятся поэты – приверженцы православной традиции, «но не ревнители, а участливые наблюдатели и созерцатели ее, жизнь которых протекает не внутри церковной традиции, а вне ее, хотя и в согласии с основными духовными импульсами, порождаемыми ею» (Гордиенко, 2008, с. 7). Яркими представителями такого типа являются Ю. Кузнецов, О. Седакова, Г. Горбовский и др. По мнению исследователя, такие авторы тяготеют к переосмыслению духовной традиции, а не всецелому погружению в ее строгие каноны. Другой тип православной лирики демонстрируют непосредственные участники церковного социума, живущие внутри духовной традиции, причастные к литургии, практике молитвы, опыту отцов Церкви (Гордиенко, 2008). Это такие поэты-священнослужители, как о. Константин Кравцов, А. Васильев, о. Д. Дудко, о. Сергей Круглов, о. Андрей Логвинов, иеромонах Роман (Матюшкин) и др.

Особое место в ряду поэтов «православно-созерцательной» направленности занимает творчество И. Лиснянской. Ее стихи во многом автобиографичны, наполнены осмыслением многих драматических событий, произошедших с ней и ее близкими, друзьями-поэтами, молодость которых пришлась на эпоху диссидентства. Переживая «детские травмы» – расставание родителей, обиду на мать, ревность к младшей сестре, одиночество, И. Лиснянская и в зрелый период проходит через преодоление боли и страдания: потерю ребенка, неудачный брак, выход из Союза писателей, долгие годы непризнания в родной стране. Источником силы поэта явилось обращение к Богу, которое и давало душевное спокойствие и желание заниматься творчеством. На протяжении всей жизни И. Лиснянская чувствовала личную ответственность за творящееся зло, несправедливость, общечеловеческую боль она всегда воспринимала как собственную. Не случайно С. Липкин назвал ее лирику «покаянной совестью», а А. Солженицын отмечал как главную черту ее творчества «остросердечную искренность» и «сострадание» (Кубатьян, 2015). Сама поэтесса не раз отмечала, что она верует по-своему, неортодоксально: «Из-за своей поперечности я ходила в церковь тогда, когда все не ходило, а когда это стало массово, я перестала. <...> я выродок... Я вражду с этой стеной. Я ищу вину в себе. Пока народ не найдет, в чем он виноват, невозможно возрождение» (Из первых уст, 1997).

Чувство вины она ощущала перед родителями за то, что обижалась на них, испытывала зависть, тайком от взрослых ходила в церковь, просила милостыню и отдавала деньги нищим; за то, что не хотела быть пионеркой и комсомолкой, когда все ее сверстники принимали активное участие в жизни советской страны. Но выжить, как утверждает И. Лиснянская, ей помогла именно Библия: «...я читаю Библию всю жизнь и только это, может быть, и знаю, хотя ни Ветхий, ни Новый Завет до конца невозможно познать, тем более – следовать всем Христовым заповедям. Подставлять левую щеку, когда бьют по правой, – еще по силам. А вот возлюбить врага своего... Я не знаю человека более греховного, чем я, но я стараюсь преодолевать врага в самой себе. Я была потрясена, когда прочла первый псалом. Я его поняла!» (Из первых уст, 1997). Безусловно, автор слишком строга к себе, к своим поступкам. Но именно таким становится ее жизненное кредо – искупление вины и обретение Бога. Заметим, что «православно-созерцательный» характер ее лирики подчеркивается многими исследователями. Так, например, Н. Иванова отмечает, что ее стихи ориентированы на «христианство, но – не “соборность”, не церковь. <...> никакой ритуальности» (2005, с. 620).

Стихи И. Лиснянской отличаются глубокими философскими размышлениями о сущности жизни, пронизаны болью о потерянной любви. Обращаясь к образам мировой литературы, библейским сюжетам, мифологии, современному автору удалось передать одновременно трагичность и неповторимость мира, ценность человеческой жизни, ее хрупкость и мимолетность. Наиболее репрезентативно особенности авторского мировидения, его духовно-нравственные основы позволяет понять «итоговая» книга стихов И. Лиснянской «Эхо» (2005). Композиционная продуманность книги, ее проблемно-тематическая целостность, заголовочный комплекс демонстрируют путь автора к духовным основам бытия.

Это издание продолжает традицию создания «итоговой» книги стихов, жанровый канон которой был разработан еще поэтами второй половины XIX в. (Барковская, Верина, Гутрина и др., 2016; Гудкова, 2019; Дарвин, 2003). Отметим, что весьма подробно вопрос о генезисе и особенностях развития этой жанрово-видовой формы рассмотрен в работах О. В. Мирошниковой (2004). Исследовательница отмечает в качестве знаковой особенности таких книг тщательную продуманность композиции, ориентированную на метажанровое образование. Они отличаются большим объемом, строгой структурированностью (главы, разделы, части), общностью мотивов, центральное место среди которых занимают: тяжба с текущим временем, подведение творческих и жизненных итогов, экзистенциальная тематика. В таком издании обязательно наличие вступительных статей или послесловий, объясняющих принцип построения книги и поэтику автора (Мирошникова, 2004, с. 46-48).

В «итоговую» книгу И. Лиснянской «Эхо» вошли избранные стихи из десяти предыдущих сборников, что отражено в десяти главах: «Виноградный свет», «Дожди и зеркала», «Из первых уст», «Воздушный пласт», «Ветер покоя» и др. Главы выстраиваются в хронологической последовательности. Таким образом, читателю представлен огромный путь, который автор проходит вместе со своей лирической героиней, образ которой тесно слит с обликом самой поэтессы. Открывают издание стихи, написанные в конце 1940-х гг., а завершается лирическое повествование произведениями начала XXI в. Издание снабжено послесловием – это статья-размышление Н. Ивановой «Длина дыхания», в которой доказывается единство сюжетных линий книги, рассматриваются особенности индивидуально-авторского стиля.

Уже в ранних стихах И. Лиснянской ощущаются размышления о «болезнях эпохи». Продолжая традиции русской классической поэзии, она пытается осмыслить «жестокий век», его катаклизмы и нестабильность. Ей становятся близкими лермонтовские размышления о «странной» любви к родине, ее «болезнях», она переосмысливает тютчевский тезис о духовном растрении современного мира («Не плоть, а дух растрелился в наши дни»):

Ты обо мне не думай плохо,
Моя жестокая эпоха.
Я от тебя приму твой голод
И за тебя останусь голой,
На все пойду, на все согласна,
Я все отмерю полной мерой,
Но только ты верни мне ясность
И трижды отнятую веру (Лиснянская, 2005, с. 9).

Первая часть книги – это своеобразная завязка поэтического сюжета «Эхо». Лирическая героиня ощущает катастрофичность современного мира, она чувствует личную ответственность за творимое зло. Образ Голгофы становится сквозным в книге И. Лиснянской. Он, словно эхо, проходит через все ее части, приобретая разные оттенки звучания, и достигает своего апогея в финале, превращаясь в крик души: «Мир стоит на краю катастрофы, / Обличенный в неоновый свет. / Это значит, что ночи Голгофы / Растянулись на тысячи лет» (Лиснянская, 2005, с. 12). Совершенно справедливо Н. Иванова отмечает, что «постижение евангельских заповедей, постижение христианского взгляда на мир шло через живейшее сотрудничество с евангельскими смыслами, проживание/переживание жизни в ее высоком человеческом наполнении, установление своих законов против законов “адова времени”. Надо было выбирать, устанавливать и сохранить свою систему ценностей. В стихах появляются Голгофа, грешники, мученики, Нерон, Древний Рим...» (2005, с. 616).

Название первой части книги – «Виноградный свет» – также во многом символично. Это прежде всего свет ее малой родины – Баку, где родилась поэтесса. Драматическая тональность книги синтезируется с ощущениями радости от погружения в воспоминания о море. Образ Каспия как родной стихии становится сквозным.

Он обогащается запахом винограда, теплого солнца, знакомых улочек, бытом родной коммуналки. Вещный, детальный мир быта в стихах И. Лиснянской наполняется бытийным началом:

На узкой улице мне дышится свободней,
В пространстве замкнутом мерещится покой,
Под низкой аркою бакинской подворотни
Я беспричинною не мучаюсь тоской.

Я вижу сморщенный квадратный дворик черный,
В железных ящиках отбросы бытия,
И смрад вдыхаю с той улыбкою покорной,
С какою двигаться привыкла жизнь моя (2005, с. 56).

«Виноградный свет» представляет лирическую героиню в облике богомолки, которая ищет путь к Богу. Пока еще ее движения несмелы, дороги случайны, но они уже намечают вектор движения страдающей души:

В день Владимира, под воскресенье
Я зашла в эту церковь случайно.
И опять сквозь невнятное пенье
Проступила вседневная тайна (Лиснянская, 2005, с. 72).

Основные мотивы и образы, обозначенные в первой части книги, находят свое развитие в дальнейших ее главах («Дожди и зеркала», «Из первых уст», «Ветер покоя» и др.), где доминирующими становятся темы изгнанничества и любви. Весьма показательной в свете особой исповедальности и самоотреченности становится глава «Из первых уст». Ее название подчеркнуто стирает границу между нарратором и слушателем. Словно на исповеди, перед лицом Божиим, лирическая героиня готова принять страдания ради спасения всех несправедливо гонимых, обиженных:

Плод запретный червив, и ни с кем
Дележа не устрою,
Я одна это яблоко съем,
И сознание раздвою,
И отвечу одна. Да и нет
Ни Адама, ни Змия, –
Лишь дождя пузырящийся след.
И Россия... Россия... (Лиснянская, 2005, с. 146).

Пространство книги, как и все творчество И. Лиснянской, амбивалентно. В нем постоянно борются два противоположных начала, воплощенные в образах ангела и дьявола, между ними находится неуспокоенная душа грешницы, какой и воспринимает себя лирическая героиня: «Я греховней супруги Лотовой в тыщу раз, / Но вопросы мои заметут, как следы на дороге, – / А куда не скажу – на обочинах автотрасс / Дьявол в смокинге черном и ангел в лиловом смоге» (Лиснянская, 2005, с. 524). При этом, заметим, что основная тональность ее стихов – это синтез драматического и романтического пафоса. Особым драматизмом овеяны стихи, написанные в начале XXI в. («В пригороде Содома»). Как и многие поэты рубежа XX–XXI вв., И. Лиснянская воспринимала переходную эпоху как крах духовно-нравственных ценностей, потерю жизненных ориентиров, идейное бездорожье. Переосмысливая известный библейский сюжет о гибели Содома и Гоморры, которые были уничтожены Богом за грехи их жителей, И. Лиснянская создает глубоко драматичные стихи о современном мире, который воплощает «пригород» греха, потерю связей с Богом. Каждое стихотворение, вошедшее в главу «В пригороде Содома», наполнено многочисленными отсылками и реминисценциями из Библии, Ветхого Завета («серафический глагол», «посох и сума», «содомский народ», «жена Лота», «Илья-пророк», «Ион» и др.). Жанровые черты плача, молитвы соединяются с исповедью, думой, становясь своеобразным поэтическим пророчеством, стихами-предостережениями:

Потомки потопа, исчадья земли,
Зачем мы копируем буйство безумий?
...Не все из родимых Помпей изошли,
Когда начал пемзой плевать Везувий.

К чему я известную песнь завела?
К тому, что времен не бывает несходных.
Я вижу, как лава собой обтекла
Дома и людей, и домашних животных (Лиснянская, 2005, с. 497).

Размышления о современном мире постоянно соотносятся с широким культурно-историческим контекстом, где центральным становится образ Божий как нравственный и духовный ориентир человечества. В связи с этим и личная ответственность перерастает в размышления о сущности поэзии и ее главной цели. Традиционная тема поэта и поэзии приобретает в стихах И. Лиснянской индивидуально-авторскую трактовку об особой значимости поэта, его ответственности за души людей, их спасение. Однако и в этом случае актуализируется мотив благодарности Всевышнему за возможность владения словом, через которое и происходит

сближение со Словом Божиим: «Господи Боже, спасибо! Тебе за то, что / Угол мне дал в лесу и письменный пень» (Лиснянская, 2005, с. 520).

При этом также отметим, что многие «болезни века», его катастрофичность и надломленность позволяет преодолеть и любовь. Тема любви наряду с темой покаяния, предназначения поэта и поэзии становится основополагающей в творчестве автора. Однако и восприятие образов любви и возлюбленного овеяно особым ореолом эмоций. Лирическая героиня испытывает чувство вины от счастья быть любимой, считая его незаслуженным. До конца жизни она пронесет это чувство, охраняя и защищая его всем сердцем, что, безусловно, также имеет биографическую основу. Свой второй брак с поэтом С. Липкиным И. Лиснянская воспринимала как счастливый дар, посланный Богом, поэтому очень часто ее любовная лирика приближена к жанрам молитвы, гимна, песнопений. Данные жанровые формы позволяют наиболее ярко передать всю палитру внутренних чувств: от хрупкости и надломленности до благодарности Всевышнему за душевный покой рядом с любимым. Данная тема в творчестве И. Лиснянской также раскрывается в тесном соотношении с библейскими образами и сюжетами, которые становятся своеобразными зеркальными отражениями авторского «Я». Так, например, поэту становится близким образ Суламифи, беззаветно любящей своего мудрого царя Соломона. В таких стихах И. Лиснянская воспевае опять-таки жертвенную любовь, где возлюбленная возлагает на алтарь любви все свои чувства. При этом само восприятие любви наполняется новым онтологическим звучанием, где личное соотносится с общечеловеческим. Данные мотивы становятся доминирующими в последних главах книги («Имена», «Без тебя», «Иерусалимская тетрадь»):

Я – жена твоя и припадаю к твоим стопам, –
Увлажняю слезами и сукровицей ребра,
Из которого вышла, а ты, мой свет, мой Адам,
Осушаешь мой лоб, ибо почва в лесу сыра (Лиснянская, 2005, с. 533).

Или:

Я – твоя Суламифь, мой старый царь Соломон,
Твои мышцы ослабли, но твой пронизателен взгляд.
Тайны нет для тебя, но, взглянув на зеленый склон,
Ты меня не узнаешь, одетую в платье до пят,
Меж старух, собирающих розовый виноград (Лиснянская, 2005, с. 534).

Стихи, посвященные мужу, безусловно, отличаются нежностью, глубоким лиризмом и чувствами преданности и жертвенности. И. Лиснянская явилась новатором в области русской интимной лирики. Она воспроизводит образ вневременной любви, где возлюбленные не ощущают ход времени. Физиологическое старение не снижает ореол любви между мужчиной и женщиной, напротив, это романтическое чувство наполняется мудростью, созерцательностью, особой трепетностью по отношению друг к другу; создается образ «райской старости». Во многом особая тональность в таких поэтических текстах реконструируется за счет жанровой формы гимна, представленной в поэзии И. Лиснянской не просто как песня, восхваляющая кого-либо, а «сотканная» душой песня, на что делали акцент античные поэты: «Я купаю тебя в моей глубокой любви. / Я седа, как в июне луна, ты седой как лунь, / Но о смерти не смей! Не смей умирать, живи!» (Лиснянская, 2005, с. 532).

Финальные главы книги «Эхо» («Без тебя» и «Иерусалимская тетрадь») становятся молитвенными песнопениями, рисующими невосполнимую утрату в жизни лирической героини, потерявшей свою любовь. Новый отсчет жизненного времени начинается с трагической для самой поэтессы даты 31 марта 2003 г. – даты смерти ее мужа. Каждый прожитый день «без него» – это время пустоты и одиночества, неотвратимой боли и тоски от невосполнимой утраты: «Без тебя я – без племени и без роду / Существо, подобное недобитку» (Лиснянская, 2005, с. 559). В таких стихах лирическая героиня предстает в облике женщины, преодолевающей пространство и время, она живет лишь памятью о прошлых днях. Совершенно справедливо исследователи отмечают, что это «поэзия шокирующего откровения» (Стрельникова, 2007).

Многочисленные античные образы Эллады, Посейдона, Нептуна, Афродиты демонстрируют прежде всего мимолетность, неотвратимость бытия, подчеркивают зыбкость и хрупкость человеческого счастья. В данной части книги вновь актуализируется образ «эха», вынесенный в заглавие. Лирическая героиня ассоциирует себя с эхом, она несет в себе отблеск былого счастья; она концентрирует в себе образ времени, памяти, прошлого. Ее миссия теперь – быть хранительницей прошлого. Именно эта тональность и доминирует в последней части – «Иерусалимская тетрадь», посвященной Елене Макаровой – дочери И. Лиснянской, что и придает особую исповедальность финальным стихам. В них она ведет непрерывный диалог с любимым, покинувшим земное пространство, но оставшимся навсегда рядом. Ступая по святой израильской земле, она словно заново проходит путь былого счастья, где каждый физический шаг дается с большим трудом, но этот путь обретает смысл, так он становится дорогой воссоединения влюбленных:

Без вины пред тобой и стыда
Я купаю глаза в лазури
И пишу тебе письма. Туда
И Петрарка писал Лауре (Лиснянская, 2005, с. 591).

Анализируя книгу стихов «Эхо» как «итоговую», необходимо отметить не только ее проблемно-тематическое и стиливое единство, но и значимость визуального ряда. Сюжетообразующую функцию несет и небольшой

раздел, куда вошли знаковые фотографии из семейного архива автора. Они подчинены смысловому развитию основного сюжета книги: демонстрируют жизненный путь поэтессы. От фотографии 1932 г., где изображена маленькая счастливая девочка, читатель идет к снимкам, где И. Лиснянская раскрывается с разных своих сторон: как влюбленная девушка, счастливая мать и жена и, наконец, Поэт, – признанный и оцененный одной из наивысших наград – премией Александра Солженицына (1999).

Заключение

Таким образом, резюмируя все, сказанное выше, мы пришли к следующим выводам, касающимся художественного своеобразия книги стихов И. Лиснянской «Эхо». Данное издание отличается тщательно продуманной композицией, наличием сквозного поэтического сюжета, целостностью мотивного комплекса, что позволяет рассматривать его как «итоговую» книгу стихов, наиболее полно и репрезентативно раскрывающую сложный путь лирической героини, а вместе с ней и самой поэтессы к духовно-нравственным основам бытия. Проблемно-тематическое своеобразие книги заключается в синтезе религиозно-философских, пейзажных и интимных мотивов, которые нашли свое многомерное воплощение в пространстве поэтического сюжета. Библейские сюжеты и образы (Голгофы, Иуды, Содомы, Гоморры, Суламифи и др.), переосмысленные в творчестве поэтессы, становятся зеркальными отражениями авторского сознания, ее собственной судьбы, внутренних противоречий, демонстрируя поэзию «покаянной совести».

Перспективы дальнейшего исследования видятся нам в изучении особенностей развития крупных жанровых форм как в творчестве И. Лиснянской, так и других представителей духовной поэзии, таких, например, как О. Седакова, О. Николаева, С. Кекова и др.

Источники | References

1. Барковская Н. В., Верина У. Ю., Гутрина Л. Д., Жибуль В. Ю. Книга стихов как феномен культуры России и Беларуси: монография. М. – Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2016.
2. Верина У. Ю. Книга стихов в русской поэзии XX в.: многообразие жанрово-композиционных форм // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Литературоведение, журналистика». 2016. № 3.
3. Гордиенко Н. Н. Русская поэзия рубежа XX-XXI веков в контексте православной духовной традиции: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 2008.
4. Гудкова С. П. Характер развития «итоговой» книги стихов как крупной жанровой формы в современной русской поэзии Мордовии // Вестник угроведения. 2019. № 1 (9).
5. Дарвин М. Н. Художественная циклизация лирики // Теория литературы: в 4-х т. М.: Изд-во Института мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, 2003. Т. III. Роды и жанры (основные проблемы в историческом освещении).
6. Иванова Н. Длина дыхания (о стихах Инны Лиснянской) // Лиснянская И. Эхо. М.: Время, 2005.
7. Кубатьян И. Поэзия сострадания. О творчестве Инны Лиснянской // Вестник Ереванского университета. 2015. № 3.
8. Мирошникова О. В. Итоговая книга стихов в последней трети XIX века: архитектура и жанровая динамика: монография. Омск: Изд-во Омского государственного университета, 2004.
9. Осьмухина О. Ю., Гудкова С. П., Белоглазова Е. А. Художественное своеобразие современной православной повести («Заманчивое предложение для Маргариты» Ю. Шаманской) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2023. № 2 (89).
10. Стрельникова Н. Память взгляда. 2007. URL: http://www.litkarta.ru/dossier/pamiat-vzgliada/dossier_2151

Информация об авторах | Author information

Гудкова Светлана Петровна¹, д. филол. н., доц.
Хозяйкина Анастасия Владимировна²

^{1,2} Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, г. Саранск

Gudkova Svetlana Petrovna¹, Dr
Khozyaikina Anastasiya Vladimirovna²

^{1,2} National Research Mordovia State University, Saransk

¹ sveta_gud@mail.ru, ² a.hozyaikina@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 27.04.2023; опубликовано (published): 15.06.2023.

Ключевые слова (keywords): И. Лиснянская; православная поэзия; лирическая героиня; книга стихов; мета-жанровое образование; I. Lisnyanskaya; Orthodox poetry; persona; book of poems; meta-genre form.